Смерть немецким оккупантам!

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА

ЗВЕРСТВА НЕМЦЕВ В СОВЕТСКОЙ ЭСТОНИИ

(Материалы в помощь агитатору)

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ
Ленинград — 1944

Смерть немецким оккупантам!

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА

ЗВЕРСТВА НЕМЦЕВ В СОВЕТСКОЙ ЭСТОНИИ

(Материалы в помощь агитатору)

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ
Ленинград — 1944

Товарищ агитатор!

В настоящей брошюре собраны материалы о злодеяниях немцев на земле Советской Эстонии. Путем читок и бесед ознакомь с этими материалами бойцов. Пусть ненависть к злобному врагу вдохновит советских воинов на новые боевые подвиги, на беспощадное истребление немецко-фашистских захватчиков.

Составлено
по материалам газеты
„Советская Эстония“

Из разоренной немцами Советской Эстонии идут вести одна страшнее другой. Гитлеровские людоеды неистовствуют: жгут деревни, умерщвляют людей, грабят страну, тащат все в свое логово. Стонет родная земля, взывает к мщению.

Немцы везде ведут себя, как лютые звери. Они взрывают старинные здания Нарвы так же, как в свое время разрушали памятники старины в Киеве, Новгороде, Чернигове.

Немецкие головорезы убивают в Эстонии ни в чем неповинных женщин и детей так же, как это они делали и делают в советской Украине, советской Молдавии, советской Белоруссии.

Гитлер ненавидит эстонский народ за то, что он не покорился немецким захватчикам, а сохранил верность родной земле, своим друзьям — братским народам советских республик.

В советской Эстонии — разгул фашистского террора. Вся страна превращена в ад. Свирепые эсэсовцы убивают людей средь белого дня. Пьяные злодеи в Тарту толкают прохожих под колеса грузовиков. В Петсери немцы замучили старого священника. В Приозерье, близ селений, партизаны находят глубокие ямы, доверху набитые расстре-

лянными эстонцами. На станциях немцы убивают людей, не желающих садиться в поезда, отправляющиеся в Германию.

Три года многострадальный народ Советской Эстонии томится под гнетом немецко-фашистских захватчиков. Десятки тысяч лучших его представителей истреблены, загнаны в тюрьмы и отправлены на каторгу в Германию. Но чудовищный террор гитлеровцев не сломил непоколебимой веры эстонского народа в свое светлое будущее. Эстонский народ уже слышит могучую поступь приближающейся Красной Армии и с надеждой ждет советских воинов-освободителей. Недалек тот день, когда Красная Армия могучим ударом выбросит немецко-фашистских захватчиков из пределов Эстонии и снова вернет эстонский народ в счастливую семью народов великого Советского Государства.

Гитлеровские палачи

...Захватив Эстонию, гитлеровцы замыслили изуверское дело: истребить, стереть с лица земли эстонский народ, чтобы на ней хозяйничали немецкие колонисты. Три года немецкой оккупации Эстонии—это планомерное, хладнокровное истребление эстонского народа, физическое его уничтожение. По далеко не полным данным, лишь за первые полгода своего господства в Эстонии немцы истребили 20 тысяч человек. В одном только городе Тарту ими было сразу же арестовано и расстреляно свыше двух тысяч эстонцев. Но это было только началом страшных мук, на которые обрек Гитлер эстонцев.

Палачи убивали советских людей поодиночке и массами. Весь мир облетела страшная, леденящая кровь весть об отравлении немцами 5 февраля 1944 года 2 тысяч эстонцев, в том числе женщин и детей, насильно увезенных в Ригу. Людей напоили отравленным кофе, и все они умерли в страшных мучениях.

Гитлеровцы ввели в стране чудовищный террор. Тюрьмы и концлагери переполнены, редко кто

выходит оттуда живым — если человека обойдет пуля, его доконают болезни или голод. Весной нынешнего года фашистский террор со всей силой обрушился на эстонскую интеллигенцию. Оккупанты арестовывали временами до 400 человек в день. В мае они арестовали врачей города Таллина, многих профессоров и других научных деятелей страны.

Ничто — ни страшный террор, ни массовый угон на каторгу не сломили воли эстонского народа к борьбе. Вековая ненависть к немецким поработителям, пламенная любовь к советской отчизне вдохновили мужественных эстонцев на борьбу...

С каждым днем растет сопротивление народа немецким оккупантам.

(Из статьи Н. Каротамм, Секретаря ЦК КП(б) Эстонии, *«Близок день освобождения!» «Правда» от 21 июля 1944 г.).*

Что творят немецкие звери в Нарве

1

Над высокими шпилями домов Нарвы, над куполами старинных русских церквей, над башнями древней крепости стелется черный дым. Время от времени тяжело вздрагивает земля: немцы взрывают в городе дома, заводы, фабрики.

Так рухнули взорванные каменные стены чугунолитейного завода, рухнул знаменитый эстонский театр «Выйтлея», театр «Ильмарине», десятки других красивейших зданий города.

Каменные дома в Нарве превращены в доты, подвалы и погреба — в скрытые огневые точки, прорезаны пулеметные амбразуры в трансформаторных будках.

Нарва вымерла. Нарва пуста. Большинство ее жителей изгнано из города, но некоторые успели скрыться в лесах. Наши разведчики встречают мирных жителей, выходящих по одиночке из лесов в расположение наших частей. Эти люди выходят оборванные, изголодавшиеся. Они рассказывают о страшной трагедии Нарвы, о многих сотнях горожан, расстрелянных в Поповском лесу, в полукилометре от города, о тысячах горожан, угнанных на каторжный, рабский труд в Германию. Старый нарвский парикмахер Вольдемар Кертнер рассказывает о семи тысячах жителей Ленинградской области, которых немцы гнали через Нарву в Германию. Здесь, на берегу реки, для них был оборудован «перевалочный пункт», то бишь пустырь с высоким проволочным забором. Многие из этих семи тысяч погибли в дороге, по 20 человек в день умирало на самом «перевале». Но немцы должны были доставить в Германию семь тысяч рабов, поэтому недостающих они забрали из Нарвы.

Все оборудование «Кренгольмской мануфактуры» вывезено немцами в Германию. Недавно немецкая комендатура созвала во дворе фабрики всех работниц и приказала им собраться в дорогу. Когда женщины заявили протест против такого насилия, немецкие автоматчики открыли огонь по толпе безоружных...

Коренные жители Нарвы — мать и дочь Гедвель — с ужасом вспоминают о криках и воплях, которые ежедневно неслись из дома на Петровской площади. В этом доме помещается немецкая комендатура. Четвертый этаж дома занят зондеркомандой и следователями гестапо. Из ворот этого дома выходили машины, направляющиеся в Поповский лес, отсюда целые партии обездоленных людей увозились на чужбину.

Немцы закрыли в Нарве все школы, разгромили все библиотеки, всюду развесили объявления: «Только для немецких солдат и офицеров».

Никогда древний город Нарва не видел таких мрачных злодеяний, какие творят немецкие варвары.

2

В городе Нарве немцы устроили застенок, который назвали «трудовой лагерь». Здесь томится около полутора тысяч эстонцев, мобилизованных оккупантами на работы. Лагерь обнесен колючей проволокой и охраняется немецкими часовыми.

В «трудовом лагере» немцы избивают эстонцев.

— После работы получишь свои «двадцать пять»! — кричит зверь-надсмотрщик.

И вечером в лагере происходит то же, что в крепостное время происходило в баронских помещичьих усадьбах. Изменились только орудия истязания. Немцы пользуются теперь не розгами, а резиновой плеткой.

Эстонец Яков Лар, только что вырвавшийся из фашистской неволи, был свидетелем такого варварского истязания людей. На его глазах немцы производили кровавую экзекуцию над 7 рабочими.

«Двадцать пять» — излюбленный немцами вид наказания — широко применяется ими и вне лагеря. Однажды крестьянин Ян Суйтсмарт пошел навестить свою больную мать, которая жила в соседнем селе. На дороге его остановил немецкий патруль и потребовал пропуск. Пропуска у Суйтсмарта не оказалось, его подвергли истязаниям.

Ян Суйтсмарт сражается сейчас в рядах Эстонского национального корпуса Красной Армии. При одном упоминании о немцах глаза его вспыхивают ненавистью к захватчикам.

— Я отомщу им за позор и страдания, которые перенес от фашистских извергов. Я отплачу им за все издевательства над эстонским народом!

Майор С. КАРА

Н. ЛЕПИК

Отомстим!

Я жил и вырос в советской Эстонии на берегу озера Пейпси. Семья наша не рыбачила, а занималась крестьянством, потому что рыболовные снасти в старой Эстонии стоили дорого. Вот мы с отцом и копались на своих двух гектарах. Наш приозерский край был из бедных-беднейших. Только при советской власти мы узнали, что такое жизнь.

Всего год с небольшим прожили мы сытно и счастливо. Началась война. Немецкие гады залезли и в наше приозерье. Эстонцы поднялись на защиту своей земли от гитлеровских разбойников. Появились эстонские партизанские отряды. В один из них я вступил разведчиком.

Несколько месяцев я ходил по деревням советской Эстонии. Что я видел на своем пути? Страну, залитую кровью, разоренную проклятыми немецкими захватчиками, сожженные или опустевшие деревни, заросшие сорняками нивы, одичавшие собаки на пожарищах...

Пробираясь лесами, я находил около селений ямы с расстрелянными эстонцами. Немцы даже не зарывали, как следует, свои жертвы. Виднелись обглоданные зверьми руки и ноги замученных...

Я видел на дорогах голодающих детей, они бродили из деревни в деревню, падали от слабости и замерзали в пути.

Немецкие солдаты не щадили никого. 80-летнего эстонского крестьянина из одной волости восточного уезда пьяные эсэсовцы увели на болото, отрезали ему нос, уши, выкололи глаза и бросили полуживого старика в трясину. Жители приозерской деревни слышали, как в течение двух часов кричал старик...

В городе Петсери престарелый священник отслужил панихиду на могилах павших бойцов Красной Армии. Немцы посадили его за это в тюрьму и там замучили.

В одной эстонской деревне произошла такая трагедия. В ней остановились на ночь около двадцати партизан. Утром крестьяне сообщили партизанам, что к деревне приближается большая колонна солдат — немецкий карательный отряд. Партизаны посоветовали крестьянам уйти в лес. Крестьяне взяли из хозяйства все, что можно было унести, и всей деревней тронулись в лес.

Немцы подослали к крестьянам изменников, которые стали заманивать народ обратно, уговаривая не бояться — мол, немцы вас не тронут. Многие крестьяне поверили и повернули обратно.

Гитлеровцы приказали им собраться в один дом. Когда все собрались, вошел немецкий офицер и велел всем лечь на пол. Крестьяне легли. Офицер вынул пистолет и стал стрелять по лежащим — женщинам, детям, старикам—по всем без разбора. Рас-

стреляв все обоймы, он вышел. Солдаты заперли дверь, а дом подожгли.

Из горящего дома спаслись только двое — тяжело раненный старик и женщина. Я ее видел и беседовал с ней. Она и рассказала мне о том, что сделали с жителями деревни немцы.

Мне пришлось быть очевидцем того, как эстонские крестьяне и рабочие на торфяных разработках отказались работать на немцев. Фашисты плетьми и прикладами винтовок загнали их в болото. Видел я, как в ледяной воде стояли старики. Один из них закричал немецким часовым:

— Стреляйте, проклятые, я эстонец и ненавижу вас!

Я слышал как эстонцы, сжимая в руках лопаты, говорили тихо, сквозь сжатые зубы:

— Придет Красная Армия, и баронские выродки отведают нашей мести!

Месть! Вот чем живет и дышит сейчас порабощенная немцами советская Эстония. В какую эстонскую деревню ни зайдешь, везде чувствуется затаенная ненависть к немецким захватчикам.

Партизан эстонского отряда В.

Рассказ эстонской девушки Эльфриды

До войны я жила у родителей в одном местечке советской Эстонии, недалеко от железнодорожной станции. Служила в столовой. Жила по-человечески.

Началась война. Наше местечко заняли немцы. По улицам стали шататься пьяные немецкие солдаты, избивать встречных прохожих. Потом немцы стали обыскивать наши дома и все, что находили получше, тащили к себе.

Однажды к нам пришли солдаты и угнали всю нашу семью в город. Там нас бросили в грязные, холодные бараки — трудовой лагерь. Эстонцы называли его каторгой. И правда, каторжной была тут жизнь: земляные работы с утра до вечера, а есть давали только раз в день — 170 граммов клейкого теста с отрубями и мутную, тепловатую воду. От такой еды и непосильного труда много эстонцев заболело тифом, дизентерией и умерло.

Еще больше погибло от истощения и слабости. Ходит, шатаясь, по бараку обессиленный человек и вдруг упадет. Поднимешь, положишь его на нары, заговоришь с ним, а он лежит с открытыми глазами и не отвечает. Тронешь его рукой, а он уже стынет. Так и замрешь с испуга. Потом привыкла...

В нашем местечке немцы многих убили. В полу-

километре от станции были три ямы, полные расстрелянных эстонцев. Кого фашисты не расстреляли, тех угнали в неизвестном направлении.

Не дай бог кому-нибудь увидеть, как немцы угоняют людей в рабство. Не забуду, как наши эстонские женщины плакали и кричали, когда их сажали в товарные вагоны. Ведут их к поезду в колонне, кругом эти звери с плетками, позади дети бегут, плачут, матерей зовут. Старухи тут же ребят ловят, боятся, что часовые засекут их. Если какая женщина остановится и оглянется, гитлеровец ее тут же бьет нагайкой. Иную мать фашист всю исхлещет, а она все на своего ребенка оглядывается. И как смотрит! Посейчас эти глаза вижу...

При мне один парнишка лет 12 и его сестра — оба мои старые знакомые — попытались бежать из вагона. Их застрелили на месте.

Записал А. СЕВАСТЬЯНОВ

Допросы, пытки, грабежи

Не счесть эстонским крестьянам всего того горя, которое причинили им проклятые немцы. Никогда не забыть мне страшного для нас дня — 26 июля 1941 года, когда гитлеровцы арестовали меня, жену и 12-летнего сынишку и под сильным конвоем привели в комендантское управление. Здесь начался

допрос. А что значит гитлеровский допрос? Все, кто под немцами жил, хорошо знают это. Седыми уходят люди с таких допросов, а иных без сознания уносят после пыток и мучений.

Но этим допросом фашисты не ограничились. Пять месяцев протомили они меня в тюрьме из-за доноса какого-то подлого предателя из фашистской «самозащиты». Сын мой от всего пережитого заболел и умер.

В последний день января 1944 года в нашу деревню пришел вооруженный отряд немецких поджигателей.

Они выгнали все наше население из деревни, жилые дома сожгли, колодцы взорвали. Ночью немцы велели переправляться через реку Нарву. На наше счастье понтонный мост опрокинуло льдом. Мы воспользовались этим и скрылись в лесу, где дождались своей родной Красной Армии. Теперь мы находимся под защитой наших родных советских воинов и работаем для своей родной страны.

Нас обеспечили всем необходимым — квартирами, землей, семенами, обувью, помогли конной тягой, и наш долг — усердным трудом на полях достойно отблагодарить советскую власть.

Михаил РАНДМАР,

крестьянин деревни Заборовье, Вирумаского уезда, Эстонской ССР.

Нас разорили гитлеровцы

«Тащи, грабь, расхищай все, что попадается под руки» — вот первое правило подлых немецких собак. Заняв нашу деревню, они сразу начали грабить мирное население. Ко мне во двор ворвались четыре немца. Они взяли мою лошадь, зарезали борова, овцу, переловили всех кур.

Немецкие солдаты повытаскивали на моем огороде все овощи, выкопали весь картофель. Был у меня оставлен клевер на семена. Хороший клевер. Думал, что на будущий год буду полностью обеспечен клеверными семенами. И вдруг однажды утром вижу: два немца косят этот клевер для своих лошадей.

Все хозяйство мое было разорено. Надо было чем-то жить. В надежде получить какие-нибудь гроши за свой скот я отправился в немецкую комендатуру. Там немцы рассмеялись и заявили, что никаких денег я с них не получу.

Нестерпимо тянулись для нас годы немецкой оккупации.

И когда хотели немцы перед приходом Красной Армии угнать нас в Германию, мы скрылись в лесу, как один человек.

Спасибо Красной Армии, освободившей нас от

немецкого рабства, спасибо Советскому Правительству за внимание, которое оказывается нам.

Крестьянин *Петр КОЙТ*,
волости Рая, Вирумаского уезда,
Эстонской ССР.

Кровавый след оккупантов

Обломки печных труб, груды головешек и пепла от сгоревших домов, все сожжено, все разрушено немцами — вот что находят бойцы Эстонского национального корпуса Красной Армии при возвращении на родные места, освобожденные от немецких оккупантов.

Боец-эстонец Эдуард Эссенсон не мог найти деревни, где родился и вырос. Она была сравнена с землей гитлеровским зверьем. Семью Эссенсона немцы отправили в Германию. Он встретил только двоих мальчиков да семнадцатилетнего Вольдемара Гиллера, сбежавшего с каторжных работ.

— Мы жили там в фанерных бараках, в каждом семей по 20, а бараки были всего в три десятка квадратных метров, — рассказывает юноша. — Работа была неимоверно тяжела, очень многие умирали от голода и невыносимого труда.

У красноармейца Якобсона истреблена семья. Сестры убиты, малолетние племянники уведены в

рабство. От цветущей деревни не осталось ничего, кроме дымящихся развалин. Перед отступлением немцы зверски расправились с жителями. Крестьяне Вусман, Котинен и Рови были умерщвлены после страшных пыток.

Старшина Кангас посетил свою деревню Кальювере. Немцы не успели здесь сжечь дома, но население все угнали. Отец Кангаса долго сидел в тюрьме в городе Нарве, где его избивали и пытали немецкие звери. После освобождения из тюрьмы старик Кангас тайком пробрался в родную деревню, где встретился с сыном.

— Иди, отомсти немцам за меня, за семью, за весь эстонский народ, — сказал старик, благословляя сына в поход.

А. КРАХЕ

В освобожденной деревне

Жители освобожденной деревни с ужасом и отвращением вспоминают дни, когда здесь хозяйничали немцы. Крестьянка Анна Лалль рассказывает о жутких преступлениях, совершенных фашистами.

— Никогда не забудется мне рабочая команда в 500 человек, пригнанная сюда немцами из города Вильно. Это были не люди, а какие-то жалкие

тени. Как только не издевались над ними немецкие скоты — избивали, лишали еды и сна. Многие из рабочих падали от слабости по дороге к месту труда. Всех отставших или потерявших трудоспособность немцы безжалостно приканчивали. На шоссе подолгу лежали трупы гитлеровских жертв.

— Фашисты хватали все, что попадалось им под руку, — продолжает крестьянка. — У меня из дома даже кастрюли и поварежки унесли. А жаловаться на воров — не смей, сразу арестуют...

С наступлением зимы немцы усилили в деревне охоту за теплой одеждой. На заборах появился приказ немецкого коменданта, обязывающий каждого жителя сдать теплые вещи для германского солдата.

Гестаповцы рыскали по домам, отбирая у населения последнюю одежду. Тех, кто противился сдаче вещей, арестовывали, и они бесследно исчезали. Изверги дошли до того, что отбирали валенки у детей, шедших в школу. Немцы избили ребят прикладами автоматов. Несчастные дети вынуждены были бежать босиком по снегу несколько километров.

Теперь это все в прошлом. Красная Армия освободила советских людей от грабежа и бесчинств свирепого гитлеровского зверья. В деревне началась новая жизнь.

Красноармеец М. РАЮ

Письма воинов Эстонского национального корпуса Красной Армии

Этого забыть нельзя...

На родной земле! Сердце усиленно бьется, шаг становится быстрее, взор жадно охватывает родные места. Впереди расстилается картина, ничем не отличающаяся от той, что мы видели в других освобожденных от немецких захватчиков районах.

Приближаемся к наблюдательному пункту: перед нами разрушенная эстонская деревня. До прихода немцев здесь было мирное селение, окруженное заботой трудолюбивого эстонского крестьянина. Сейчас на его месте — груда развалин.

Около одной избы навалены бутылки из-под различных вин. Здесь пьянствовала банда немецких головорезов.

Кровь застывает в жилах. Недалеко от разбросанных бутылок лежит окровавленный труп эстонской женщины. У нее распорот живот, рот завязан какой-то тряпкой, все тело покрыто кровоподтеками. Перепившиеся палачи досыта поиздевались над беззащитной женщиной, а потом зверски убили ее.

То, что я увидел на освобожденной эстонской земле, навеки запечатлелось у меня в памяти. Этого мы не забудем и не простим никогда! Наше возмездие настигнет гитлеровское зверье! Наша месть будет беспощадной!

Старшина *В. ТИЙКМА*

Клятва мщения

Долго искал сержант-артиллерист Эстонского национального корпуса Красной Армии своих родителей, проживавших в районе ЭССР, освобожденном от немцев.

На месте родной деревни остались только обгоревшие трубы печей, кучи пепла, бесформенные остовы железных кроватей. Сержанту указали на лес, где в землянке жила его семья.

Со слезами радости встретила мать сына. Она считала его давно погибшим, так как немцы распустили гнусную ложь о гибели в СССР всего Эстонского корпуса.

— Где отец? — спросил Кару, обнимая седую, изможденную горем и нуждою женщину.

Уголком передника мать вытерла снова набежавшие слезы:

— Умер отец... Если бы ты знал, сынок, сколько вытерпел он из-за того, что его сыновья служат в Красной Армии. Немцы избили отца прикладами, когда он протянул кусок хлеба пленному красноармейцу. Меня, старуху, топтали ногами. Отступая, немцы сожгли наш дом. В огне погиб весь картофель — наша последняя пища. Отец, потрясенный побоями и зверствами палачей, тяжело заболел и скончался...

Сержант молчал, до боли в скулах стиснул зубы и сжал кулаки. Как клятву, он произнес:

— Знай, отец, твой сын отомстит! Огнем орудий полностью заплачу фашистам за слезы и муки родных, за горе и разорение эстонского народа.

Сержант В. КРУСТЕ

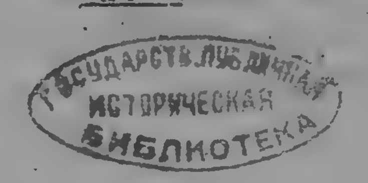
Сердце пылает ненавистью

Крестьянин Сою, проживавший в окрестностях города Нарва-Йыэсу, ушел от кровавого произвола немцев в районы, освобожденные Красной Армией. Он рассказал:

— Немцы убили моего брата за то, что он якобы был в рядах истребительного батальона. Я видел, как зверски обращались фашисты с пленными красноармейцами, которые умирали от голода и мучений. Гитлеровцы расхищали богатство страны — лес. Особенно много леса порубили они у местечка Тырвала.

— Два дня я прятался в лесу от фашистской облавы. Трудно рассказать обо всем, что пережили мы, эстонские люди, за время немецкой оккупации.

Старшина О. ЭССЕР

Содержание

Отделение Воениздата НКО
при Ленинградском фронте

Под наблюдением *майора Н. Чукалина*

Г23413 Подп. к печ. 25.VII.1944 г. Зак. 2134

2-я типография Воениздата НКО имени К. Ворошилова